

Эта книга посвящена всем тем, кто во время пандемии находился на переднем крае, кто работал, не щадя себя, подчас в невыносимых условиях, ради сохранения нашей жизни. Если *ça va bien aller*¹, то это благодаря вам.

Луиза Пенни, 2021

¹ Все будет хорошо (*фр.*).

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Это не кажется мне правильным, patron¹, — прозвучал в его наушнике взволнованный, вибрирующий на грани паники голос Изабель Лакост.

Старший инспектор Гамаш оглядел беспокойную толпу. Шум в аудитории перешел в гвалт.

Год назад такое собрание воспринималось бы не только как невероятное, но и как незаконное. Этих людей утихомирили бы и проверили каждого. Но благодаря вакцине можно было уже не беспокоиться о распространении смертельно опасного вируса. Беспокоиться следовало совсем о другом — о беспорядках.

Арман Гамаш никогда не забудет, как премьер Квебека, его друг, сообщил ему о том, что у них есть вакцина. Премьер тогда плакал, едва мог говорить.

Повесив трубку, Арман почувствовал головокружение. Он ощутил, как на него накатывает что-то похожее на истерику. Ничего подобного прежде с ним не случалось. По крайней мере, с такой силой. Это мало напоминало облегчение, он скорее назвал бы происходящее с ним воскрешением. Хотя воскрешение ждало не всех — и не всё.

Когда наконец поступило официальное сообщение о том, что пандемия преодолена, обитатели деревеньки Три Сосны, в которой жили Гамаши, собрались на дере-

¹ Здесь: шеф, начальник (фр.).

венском лугу, где зачитали имена тех, кого унес вирус. Новый лес — так назвали поляну, расположенную чуть выше церкви. Там близкие умерших посадили деревья.

Потом в преддверии празднования Мирна отперла свой книжный магазин. Сара открыла двери в свою пекарню. Месье Беливо повесил объявление «Ouvert»¹ на окне своего магазина, а когда Оливье и Габри возобновили работу своего бистро, все от радости закричали «ура».

На деревенском лугу выстроились в ряд мангалы для барбекю, здесь готовились бургеры, хот-доги, стейки и лосось на кедровой доске. Торты, пирожки и масляные тарты², испеченные Сарой, были выставлены на длинном столе. Билли Уильямс помог Кларе Морроу принести кадучки с лимонадом ее собственного изготовления. Детям отвели площадку для игр, а позднее на лугу развели костер и устроили танцы.

Друзья и соседи обнимались и даже целовались. Хотя все происходящее казалось странным и даже немного неприличным. Одни все еще предпочитали стучаться локтями. Другие пришли в масках, которые стали чем-то вроде четок, кроличьей лапки или медальона с изображением святого Христофора, обещающего безопасное плавание³.

Когда Рут закашлялась, все вокруг расступились, — впрочем, вероятно, они сделали бы это в любом случае.

Да, конечно, пережитое на всех наложило отпечаток. У трудных времен длинный хвост.

И это событие в бывшем спортивном зале университета в нескольких километрах от Трех Сосен было жалом в том хвосте.

¹ Открыто (фр.).

² *Масляный тарт* — традиционный канадский десерт; тарталетка с начинкой из масла, сахара, кленового сиропа и яиц, запеченная до хрустящей корочки. — *Здесь и далее, если особо не оговорено, примеч. перев.*

³ Святой Христофор является в том числе и покровителем мореплавателей.

Старший инспектор Гамаш посмотрел на двери в дальнем конце просторного зала, куда продолжали входить люди.

— Такого ни в коем случае нельзя было допускать, — сказала Лакост.

Он не стал возражать. На его взгляд, все это изначально напоминало безумие. Но действие разворачивалось у них на глазах.

— Мы контролируем ситуацию?

Она ответила не сразу.

— Да, но...

Но...

Из-за кулисы на сцене он осмотрел зал и отыскал взглядом инспектора Лакост — на ее куртке ясно был виден бейдж *Sûreté du Québec*¹.

Она забралась на плинтус отопительной трубы, откуда могла лучше видеть растущую толпу и направлять агентов туда, где возникали горячие точки.

Хотя Лакост лишь недавно перевалило за тридцать, она уже успела стать одним из самых опытных полицейских в его подчинении. Она участвовала в подавлении беспорядков, освобождении заложников, перестрелках и засадах. Она лицом к лицу сталкивалась с террористами и убийцами. Она получила тяжелое ранение, едва выжила.

В данный момент она почти не выказывала волнения. Но Гамаш ясно ощущал ее взвинченность.

Зрители толкались, пытаясь занять удобные места, с которых лучше видна сцена. В огромном зале здесь и там вспыхивала перебранка. Толчки и словесные потасовки в толпе, не отличавшейся единомыслием, были делом обычным. Полицейским приходилось управлять ситуациями куда более трудными, агенты были хорошо обучены и умели быстро гасить такие вспышки.

¹ Квебекская полиция (*фр.*).

Но...

Не успела Изабель сказать об этом, как он почувствовал сам. Всем нутром своим почувствовал. По коже побежали мурашки. В подушечках больших пальцев началось покалывание...

Он видел, что Изабель не спускает глаз с пожилого мужчины и молодой женщины в центре зала. Они отталкивали друг друга локтями.

Ожесточенной борьбы между ними не происходило. Во всяком случае, пока. К тому же через толпу проталкивался агент, чтобы утихомирить этих двоих.

Тогда почему же Лакост уставилась именно на них?

Гамаш тоже продолжал смотреть на эту пару. А потом почувствовал, как волосы у него встают дыбом.

И у мужчины, и у женщины на зимних пальто было по одинаковой пуговице большего размера, чем остальные, с надписью: «Все когда-нибудь кончается».

Он знал, насколько двусмысленно звучит эта фраза в условиях пандемии. И эта двусмысленность, на взгляд Гамаша, была довольно-таки нездоровой.

Он замер.

За свою тридцатилетнюю карьеру он не единожды патрулировал демонстрации, несколько раз ему пришлось подавлять беспорядки. Он чувствовал возникновение очагов опасности. Симптомы наступающей бучи. И знал, как быстро такие ситуации выходят из-под контроля.

Но за все годы службы в Sûreté du Québec ничего подобного тому, что происходило сейчас, он не видел.

Эти двое — мужчина и женщина — были на одной стороне. Об их альянсе свидетельствовали пуговицы на пальто. Но при этом они направляли свою ярость, обычно предназначенную «противной стороне», друг на друга. Злость вырвалась на свободу. Обрушилась на ближайшую голову.

Атмосфера в зале стояла удушающая. Люди оделись, чтобы выйти на мороз, и теперь маялись в своих теплых куртках и пальто, тяжелых сапогах, шарфах и варежках. Они стаскивали шерстяные шапки, засовывали их в карманы, и у многих присутствующих волосы, обычно уложенные, теперь стояли дыбом, словно от леденящего испуга или внезапно пришедшей в голову выдающейся идеи.

Народ, набившийся в зал до отказа, перегрелся как физически, так и эмоционально. Старшему инспектору Гамашу чудился запах обгоревших нервных окончаний, как от неисправной проводки.

Он огорченно посмотрел на высокие окна за спиной Лакост. Они давно были закрашены так, что сейчас не открывались, поэтому попытки впустить внутрь свежий воздух успехом не увенчались.

Натренированный взгляд Гамаша продолжал изучать толпу, впитывая все — видимое и невидимое. Ситуация, чувствовал он, еще не достигла точки кипения, переломного момента. Как старший офицер полиции, он был обязан убедиться, что этого не произойдет.

Если бы градус протеста приблизился к критической отметке, он бы остановил его дальнейший подъем. Но Гамаш знал, что его действия имеют свои риски. Хотя он не забывал и о нравственной стороне дела, — кто он такой, чтобы препятствовать людям, имеющим полное право собираться вместе и выражать свое мнение? — в приоритете всегда оставалась безопасность людей.

Отдай он своим агентам приказ действовать, отменить чтение еще не начавшейся лекции, это могло бы привести к тому самому насилию, которого он хотел избежать.

Не допустить превращения собрания людей в толпу не ахти какая наука. Стратегию можно выучить, он сам структурировал рекрутов в академии *Sûreté*, учил их обращаться с большими, потенциально опасными собраниями. Но в конечном счете все сводилось к оценке ситуации. И к дисциплине.

Полицейские чины должны уметь контролировать поведение не только толпы, но и свое собственное. Будучи слушателем академии, Гамаш видел подготовленных полицейских во время паники, возникшей на демонстрации, — они ломали строй и начинали лупить сограждан дубинками.

Это было ужасно. Отвратительно.

Подобного никогда не случалось, если он руководил полицейским отрядом, следящим за порядком, однако Гамаш подозревал, что при определенных обстоятельствах этого не избежать. Безумие толпы — вещь ужасная, не дай бог это увидеть. А безумие полиции с дубинками и пистолетами — еще хуже.

Теперь он поочередно запрашивал доклад у своих офицеров. Его голос звучал спокойно и властно.

— Инспектор Лакост, что у вас? — спросил он в микрофон.

После короткой паузы — Лакост взвешивала ответ — она сказала:

— Наши люди контролируют ситуацию. Я думаю, в настоящий момент рискованнее остановить их, чем позволить продолжаться.

— Мерси¹, — сказал Гамаш. — Инспектор Бовуар, как там дела снаружи?

Он всегда использовал официальный тон, когда говорил со своими подчиненными на открытой частоте, и предпочитал называть их по званиям, а не по именам.

Невзирая на протесты инспектора Жана Ги Бовуара, Гамаш назначил (сослал, по словам Бовуара) его на пост у дверей.

В свои тридцать с лишним Бовуар оставался стройным и подтянутым, хотя слегка прибавил в весе. Как и Лакост, он был заместителем Гамаша, к тому же его зятем.

¹ Спасибо (*фр.*).

— Народ прибывает — зал не вместит всех, patron, — доложил Жан Ги, стоявший на перевернутом ящике, и поднес руку в перчатке козырьком ко лбу, чтобы защититься от блеска отраженных от снега солнечных лучей.

Его агенты топали ногами, потирали руки в варежках друг о друга, заставляя кровь бежать быстрее, и смотрели на своего начальника так, словно он нес личную ответственность за пронизывающий до костей холод.

— Я бы сказал, что подтягиваются еще сто пятьдесят, ну, может, сто восемьдесят человек. Они довольно возбуждены. Кто-то толкается, но пока реальных драк нет.

— Сколько уже в зале? — спросил Гамаш.

— Мы насчитали четыреста семьдесят.

— Вы знаете максимальное количество. Что, по-твоему, произойдет, когда наберется это число?

— Трудно сказать. Приходят семьями, приводят детей. Хотя не понимаю, зачем тащить сюда ребенка?

— Согласен.

Итак, в зале дети. Гамаш проинструктировал своих людей в этом отношении: безопасность младшего поколения — самая важная задача, если события начнут разворачиваться по худшему сценарию.

Конечно, все могло обернуться настоящим кошмаром. При возникновении чрезвычайной ситуации люди, стремясь поскорее покинуть какое-либо помещение или обратиться в него, нередко устраивали смертельную давку. И самыми уязвимыми были дети.

— Оружие у кого-нибудь в толпе есть?

— Ни огнестрельного, ни холодного, — доложил Бовуар. — Несколько бутылок. И мы конфисковали кучу плакатов. Людей это сильно злило. Можно подумать, будто в Хартии прав и свобод прописано, что и в каких количествах можно приносить в переполненный зал, если вы принадлежите к какому-то клубу по интересам.

Он посмотрел на груды плакатов, брошенных на снег у кирпичной стены.

Большинство из них были самодельными. Почему-то более зловещими казались плакаты с надписью цветными карандашами: «Ça va bien aller».

«Все будет хорошо».

От одного этого кровь Бовуара закипала. Активисты присвоили фразу, которая во время недавней пандемии обещала утешение. А теперь они извратили ее, выдавая за некое тайное послание, скрытую угрозу. И хуже того — ставляли своих детей произносить эти слова.

Он посмотрел на толпу и увидел, как некоторые из собравшихся проталкиваются вперед, боясь, что не попадут внутрь, в отличие от противников.

— Напряжение нарастает, patron, — сказал Бовуар. — Я думаю, пора закрыть вход.

— Merci, — произнес Гамаш и вздохнул.

Он, безусловно, принял во внимание совет Бовуара и даже считал, что тот, вероятно, прав, однако должен был признаться самому себе, что в данном конкретном случае не доверяет суждению своего заместителя. Оно, без всяких сомнений, окрашивалось личными чувствами. Именно поэтому он, невзирая на возражения Бовуара, предписал ему находиться у входа, а не внутри, не в зале.

Гамаш посмотрел на часы. Без пяти четыре.

Настало время действовать. Запретить или допустить.

Он еще раз оглянулся и посмотрел на двух женщин средних лет. Они стояли друг возле друга в темноте кулис.

Та, что слева, в черных слаксах и серой водолазке, держала в руках блокнот-планшет и явно волновалась.

Но внимание Гамаша привлекла другая женщина.

Профессор Эбигейл Робинсон кивала, слушая собеседницу. Она положила руку на предплечье коллеги и улыбалась. Она сохраняла спокойствие. И сосредоточенность.

На ней был голубой кашемировый свитер и юбка цвета верблюжьей шерсти до колена. Пошитая на заказ. Простая, классическая. Такую юбку, подумал Гамаш, вполне могла бы надеть его жена Рейн-Мари.

Мысль эта была не очень приятна.

Именно из-за Эбигейл Робинсон, университетского профессора, специалиста по статистике, все эти люди в морозный декабрьский день вышли из дому и собрались здесь.

Они могли бы кататься на лыжах или на коньках, могли бы сидеть у камина с чашкой горячего шоколада. Но предпочли другое: набиться в этот зал, толкать и пихать друг друга. В надежде получше разглядеть этого специалиста по статистике.

Одни пришли поддержать ее, другие — освистать и выразить свой протест. Третьи — чтобы послушать, четвертые — чтобы забросать критическими вопросами.

А некоторые — может быть, кто-то один, — чтобы сделать кое-что похуже.

Старшему инспектору еще предстояло познакомиться с этой женщиной, которая собиралась выйти на сцену, хотя ее помощница, представившаяся как Дебби Шнайдер, подошла к нему, как только они с профессором тут появились, и предложила нечто, похожее на любезность: беседу тет-а-тет.

Он отказался, объяснив, что должен работать. И приступил к своим обязанностям.

Но он был честен перед собой и в глубине души признавал, что, будь это кто-нибудь другой, он бы с удовольствием согласился на разговор. Сам бы попросил об этом, чтобы рассказать о мерах безопасности. Определить некоторые правила. Заглянуть в глаза и установить личный контакт между защитником и подзащитным.

Впервые за всю карьеру он вежливо отказался познакомиться с человеком, за жизнь которого нес ответствен-

ность. Вместо этого он обговорил все меры безопасности с мадам Шнайдер и тем ограничился.

Он повернулся к залу. Солнце уже садилось. Через двадцать минут на землю опустится темнота.

— Продолжаем, — сказал он.

— Oui, patron¹.

¹ Да, шеф (*фр.*).

ГЛАВА ВТОРАЯ

Гамаш еще раз обошел закулисное пространство, выслушал доклады находящихся там агентов. Проверил двери и темные закутки.

Он попросил технический персонал включить свет.

— Кто эти люди? — спросила девушка-звукооператор, мотнув головой в сторону собравшихся. — Кто назначает лекцию в дни между Рождеством и Новым годом? Кто приходит на нее?

Это были хорошие вопросы.

Гамаш заметил несколько знакомых лиц в толпе. Он знал их как весьма милых, достойных людей. У кого-то на верхней одежде виднелись большие пуговицы. У кого-то их не было.

Сюда пришел кто-то из его соседей. Даже друзей. Но большинство присутствующих он видел в первый раз.

Квебекское общество составляли люди, отличавшиеся сильными чувствами, и они не боялись их выражать. Это было хорошо. Это означало, что они здесь делают нечто полезное. Цель любого здорового общества состоит в том, чтобы дать людям возможность выражать непопулярные подчас мнения.

Но у такого выражения были свои пределы, определенные рамки. И Арман Гамаш знал, что его задача — не позволить собравшимся переступить их.

Если прежде у него возникали мысли о том, что он, возможно, на многое чересчур остро реагирует, то теперь они развеялись. Это произошло в тот же день, но чуть раньше, когда он с Бовуаром и Лакост отправился сюда для заключительной проверки.

Подъехав, полицейские удивились при виде припаркованных на стоянке машин и очереди у входа в зал. Люди на этом лютном холоде переступали с ноги на ногу, похлопывали себя по бокам, потирали руки в варежках. Над головой у них висели облачка пара от дыхания, похожие на изображение внутренних монологов в комиксах, только их было не прочитать.

До лекции оставалось еще несколько часов.

Гамаш снял перчатки, вытащил блокнот и, выдрав из него несколько страниц, начал выдавать каждому стоящему в очереди клочок бумаги с его именем и номером по порядку.

— Возвращайтесь домой. Согрейтесь. Когда вернетесь, покажите этот листок полицейским у входа. Они вас немедленно пропустят.

— Не могу, — сказала женщина в начале очереди, взяв у Гамаша листок. — Мы приехали из Монктона.

— Из Нью-Брансуика? — спросил Бовуар.

— Да, — ответил ее муж. — Всю ночь добирались.

Сзади стали напирать на стоящих впереди, протягивали руки, хватали листки с номерами, словно голодные еду.

— Местное кафе будет работать, — сказала Изабель Лакост. — Идите туда, закажите ланч и возвращайтесь к половине четвертого, когда тут откроются двери.

Некоторые так и поступили. Но большинство предпочло остаться, они по очереди грелись в машинах.

Когда полицейские вошли в здание, Лакост пробормотала:

— «Когда были посеяны те гнева семена и на какой земле...»

Эти слова из стихотворения их общего друга Рут Зардо очень подходили к ситуации. Впрочем, полицейские прекрасно знали, кто посеял эти семена, прораставшие прямо у них под ногами.

И не радость, не счастье, не оптимизм заставили эту пару из дальней провинции проехать почти тысячу километров ночью по заснеженной, обледеневшей дороге, чтобы оказаться здесь.

И вовсе не ради удовольствия люди поднялись из кресел перед камином. Оставили свои семьи. Их рождественские елки весело мигали огоньками гирлянд, ужин с индейкой дожидался в холодильнике. Подготовка к встрече Нового года была в самом разгаре.

Они бросили все это, чтобы стоять здесь на зимнем холоде.

Потому что семена гнева, посеянные элегантным статистиком, дали корни.

В бывшем спортивном зале полицейских ждал зритель здания Эрик Вио. Гамаш, на которого обязанность следить за порядком на лекции свалилась неожиданно, успел познакомиться с Эриком накануне.

Арман в тот день отправился на каток Трех Сосен с Рейн-Мари и двумя внуками. Он надел коньки и опустился на колени, чтобы завязать шнурки восьмилетней Флоранс, в то время как Рейн-Мари помогала с экипировкой маленькой Зоре.

Это были первые коньки девочек — подарок от бабушки с бабушкой.

Флоранс, с покрасневшими на морозе щечками, горела желанием поскорее присоединиться к другим детям на катке.

Ее младшая сестренка Зора хранила молчание и была настроена скептически. Она, казалось, не испытывала уверенности в том, что ей понравится передвигаться по за-

мерзшему пруду с такими здоровенными лезвиями на ногах. И вообще сильно сомневалась в том, что это хорошая идея.

— Па! — раздался крик Даниеля от дома.

— Oui?

Даниель, высокий, крепкий, в джинсах и клетчатой фланелевой рубашке, стоял на крыльце. В руке он держал содовый телефон.

— Это тебя. По работе.

— Не мог бы ты ответить, *s'il te plaît*?¹

— Я пытался, но это явно какое-то важное дело.

Арман выпрямился, чуть поскользнулся на собственных коньках.

— С тобой говорили паническим голосом?

— Non².

— Слушай, скажи им, что у меня тоже важное дело, я перезвоню через двадцать минут.

— *D'accord*³, — сказал Даниель и исчез внутри.

— Может быть, Жану Ги ответить? — предложила Рейн-Мари, которая тоже выпрямилась и стояла на коньках гораздо тверже мужа.

Они посмотрели на холм с дорогой, ведущей из деревни. Их зять Жан Ги Бовуар со своим сыном с трудом поднимались по склону к вершине. Жан Ги тащил за собой новые санки, подарок от Пер-Ноэля⁴.

На самом первом своем спуске мальчик вцепился в отца и визжал, пока санки не замерли внизу. Визг стал восторженным, когда следом за ними помчался Анри, немецкая овчарка Гамашей.

¹ Пожалуйста (*фр.*).

² Нет (*фр.*).

³ Договорились (*фр.*).

⁴ *Пер-Ноэль* — рождественский фольклорный персонаж во Франции и в других франкоязычных странах, раздающий подарки детям в ночь на Рождество.